

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Слушай, Элька, — пробормотал Сундуков, поддаваясь очарованию заповедной улочки. — Неужели мы когда-то были детьми?

— Меня другое волнует, — ответил, подумав, Флягин. — Неужели я когда-то стал взрослым?

*Николай Якушев.
Люди на корточках*

Глава 1 ВЕРЕВКА

«Удавлюсь!» — подумал Шишин и за веревкой в хозяйственный пошел.

— Куда собрался? — спросила мать.

— За веревкой, — ответил Шишин.

— А-а... — сказала мать. — И мыла заодно купи. У нас все мыло кончилось, — добавила она.

— Земляничного? — поинтересовался Шишин.

— Земляничного, какого? — кивнула мать.

— А если земляничного не будет, дегтярного купить? — И Шишин посмотрел на мать довольный, радуясь, что вспомнил слово, которое все время забывал. «Дегтя-а-арное...» — подумал он.

— Дегтярным веревку себе намыл и удавись, — сказала мать.

«Ладно, земляничного куплю. Им от Танюши пахнет...» — и снял с крючка собачью шапку.

— Только денег дай мне, у меня нет их.

— У тебя их нет, а я печатаю! До смерти жилы будешь из меня тянуть, — бубнила мать, но денег Шишину дала.

«Жадная...» — подумал он и за веревкой в хозяйственный пошел. «Мыло заодно куплю, а на всю сдачу куплю веревку и повешусь», — думал, вдоль забора неохотно плелся к переходу.

Магазин «Хозяйственный» через дорогу был, как все хозяйственные магазины. «Все хозяйственные магазины через дорогу. Почему?» — подумал вдруг, переходя дорогу. И испугался посередине, что светофор переключится, все поедут и его раздавит насмерть. От страха опустил глаза и шел сутулясь, боязливо косясь на сонные дорожные столбы. Он светофоров не любил и турникетов тоже. В метро особенно опасно, возле турникетов — того гляди возьмут и треснут. «Схлопнут — и пиши пропало», — и турникеты проходил зажмурясь, удара ожидая, оглянувшись, думал с облегчением: «Что, собака, съел?!» И если рядом не было людей, то дулю турникету показывал или язык. Но люди обыкновенно были.

«Повсюду люди, — с раздражением думал он. — Битьём людьми набито, как в аптеке», — и редко удавалось турникету показать язык и дулю. Шишин не любил, когда повсюду люди, и людям тоже Шишину хотелось показать язык и дулю, но мать не разрешала баловаться и была Шишина ребром ладони по дуле или языку.

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

«Злая мать моя», — подумал, живым пройдя дорогу, и светофору показал язык. Пока не видит мать. И люди. «Не люблю людей».

День был тихий, белый. Снежным облаком лежало на крышах небо.

«Как в больнице», — и снег мочил ему лицо, и ветер безжалостно трепал за капюшон. А под ногами шлямкало и жижей воротило за шнурки.

«Жалко все же, что меня машиной не задавило насмерть, — размышлял, шагая дальше. — Не надо было бы теперь в хозяйственный спускаться, веревку покупать. Там лестница у них такая скользкая, что можно шею запросто себе свернуть, ни разу чем-нибудь специальным не посыплют — сидят и ждут, пока я шею у них себе сверну». И Шишин, держась за поручень обеими руками, осторожно стал в магазин хозяйственный спускаться.

Еще не нравился ему у магазина козырек со снежным горбом. «Не убирают снега, паразиты, — думал он, опасливо косясь на козырек, — за что им только деньги платят?..» Шишин не любил еще, когда сосульки высоко висят, под самой крышей. Особенно в капель. Того гляди — опля! — и всё. Любил, когда сосульки низко, под какой-нибудь витриной бородой висят, чтоб можно их сбивать и обрывать руками. Шишин с детства любил сбивать и обрывать сосульки, сосать, пока не видит мать, или в кармане принести домой — и в морозилку. И посмотреть, что будет. Мать не любила, если морозилка сосульками набита, и выкидывала их.

«Злая мать моя», — он обернулся боязливо (всегда казалось Шишину, что может мать следить, как он, в хозяйственный спускаясь, оглядывался, опасаясь, не следит ли мать за ним) дверь потянул, шагнул в тепло. Тепло дышало ацетоном, краской, порошками, дихлофосом...

«Клеенкой свежей пахнет», — он вдохнул. Любил, когда клеенкой свежей пахнет, как на праздник пирогами, и праздники любил, чтоб гости, когда придут с тортами и в пальто, дарили шоколадки. И он, задумавшись о многом, бродил меж полок в поисках веревки. На полках были круглые тазы оранжевого цвета, ежики для унитазов, кастрюли, крышки, шланги, лейки, лаки в черных липких баках, кружки, чашки... Скипидар.

«Скипидар...» — прочтя, подумал он, он так любил, прочтя, подумать, что прочел...

Он медленно дошел до края ряда, уткнувшись взглядом в обойные ряды, и вдоль рядов обойных раздраженно зашагал обратно, думая о том, что много слишком делают обоев, стенок мало. На все обои ни за что не хватит стенок. И, не найдя веревки, к кассе подошел.

— Веревки есть у вас? — спросил у кассы Шишин.

— Какие вам?

— Обычные, какие?

— Обычных нет, — сказали из-за кассы.

«Обычных нет у них веревок, как ни спросишь. Все с вывертом какие-то веревки, с подковыркой. И смотрят вечно из-за кассы как на дурака», —

и Шишин хмуро, пристально смотрел поверх прилавка на черную чугунную сковороду.

— Крепежные есть. Бельевые. Австралийские, из шерсти ламы. Синтетика. Канат. Какую вам?

— Не надо мне канатов. Мыло есть?

— Вам земляничное? — спросили из-за кассы.

— Земляничное, какое? — ответил Шишин.

Шишин только земляничное любил. Из-за Танюши. Земляничным мылом от Танюши пахнет — вспомнил, и, о Танюше вспомнив, угрюмо посмотрел вперед. Потом назад. Он так всегда смотрел назад после того, как посмотрел вперед: на мать, на кошек, на ворон, на то, как роют ямы возле дома, на школу и забор. На все. И Шишин снова посмотрел вперед, поверх, на черную чугунную сковороду.

— Есть только «Ландыш», детское... дегтярное еще... — сказали из-за кассы.

— Дегтярного не надо, — вздрогнув, буркнул Шишин. — А когда завоз?

«А если земляничного не будет, — учила мать, — не вздумай “Ландыш” покупать, его из кошек варят. Из кошек, понял? Понял у меня?» — «Да понял, понял». — «Спроси у них, когда завоз, когда завоз, тогда пойдешь и купишь. Слышишь у меня?» — «Да, слышу, не глухой», — подумал он, и ждал, когда ответят из-за кассы, когда у них завоз.

— Не будет никаких завозов. Аренда кончилась, распродаем, — сказали из-за кассы, — дегтярное берите, «Ландыш», по закупочной цене.

Канат. Берите, может, больше и совсем не будет. Кризис!

«Мать тоже “кризис” вечно говорит», — припомнил Шишин, с неприязнью разглядывая ту, которая за кассой.

Красивая, почти что как Танюша. «Но все же не она», — подумал он и к выходу ни с чем пошел.

На улице завечерело тускло, серо, гадко. Как назло, встретился под самым козырьком опасным Шишину красивый Бобрыкин ненавистный, в лоснящейся бобровой шапке, белозубый, чернобровый, в широком шарфе, небрежно брошенном за спину, с румяными щеками, носом, от морозца алым. И ветер, как обычно, дул, плевался Шишину в лицо, Бобрыкина придерживая дружески за спину.

— Здорово, Шишкин лес! Брателло! — сказал Бобрыкин ненавистный, ухмыляясь, — ты не в курсе, у них веревки есть? обыкновенные? — добавил он.

И Шишин посмотрел назад, потом вперед. «Гораздо лучше, если знаешь, что будет впереди — без неожиданностей чтобы», — думал он и, убедившись, что впереди стоит Бобрыкин ненавистный, второй раз посмотрел спокойно, зная, что неожиданностей впереди уже не ждать.

— Тебе зачем? — поинтересовался он.

— Нужно... — отмахнулся Бобрыкин ненавистный.

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

«Меня, наверное, повесить хочет, сволочь», — тихо думал Шишин, угрюмо глядя снизу вверх Бобрыкину в лицо. Бобрыкин улыбался. «Мразь...» — подумал Шишин, уже совсем тихонько. Он всегда старался думать тихо-тихо, если лицом к лицу оказывался с тем, о ком подумал он.

— Нет обыкновенных, — сказал злорадно, ожидая, как огорчится у Бобрыкина лицо.

— Посмотрим... — пообещал зловеще ненавистный, и было видно по его суровому, красивому лицу, что если веревок нет обыкновенных, то он повесит Шишина и на канате, или на шарфе повесит, или задушит голыми руками, без всего.

— Чего смотреть-то? Нет обыкновенных у них веревок, да и всё. Как ни смотри...

— Посмотрим, — твердо повторил Бобрыкин ненавистный, отстраняя Шишина от входа, и спускаться стал.

«Иди-иди... Посмотрим!» — думал Шишин, показывая следом ненавистному Бобрыкину язык и дулю, пока не видит мать.

Сам Шишин некрасивый был, маленький, в болотной куртке старой, перьям свалявшимся набитой, в дрянь колючей, влажной и худой. Бобрыкин был в хорошем пальто демисезонном, верблюжьей шерсти, скроенном футляром, с норковым окладом, и сразу после школы на Танюше был женат.

«Бобрыкин ненавистный, ненавистный!.. — думал Шишин. — На моей Танюше!» — думал он, желая взглядом козырьку упасть Бобрыкину на

спину. Но козырек не падал, ветер выл, плюясь на Шишина, и был с Бобрыкиным, как раньше, заодно.

«Погодка... — думал Шишин, — тьфу какая!», от ветра отворачиваясь, морщась, но не уходил. Ему хотелось видеть, как Бобрыкин ненавистный тоже без веревки выйдет, «без веревки, без веревки выйдет, сволочь, гадина такая, гадина такая, как и я...».

И все не уходил, стараясь, впрочем, от козырька опасного на расстоянии держаться. В ногах по-зёмкою вертелось. Был февраль, и из заносов снежных вдоль домов торчали голые опилки елок новогодних, и трепыхались, запутанные в ветках, шарики и ниточки серебряных дождей.

И вышел наконец Бобрыкин ненавистный из хозяйственного магазина, по лестнице поднялся беззаботный, не пугаясь оскользнуться, не держась перил, насвистывая и с веревкой... с обыкновенной самой... несинтетической, и не из австралийской ламы, не бельевой и не крепежной, а такой, которых нет и не было нигде...

Ветер дунул, плюнул, завыл, приподнял с козырька подушку снежную, рассеял в небе. Шишин зло, угрюмо на высокого, красивого Бобрыкина смотрел замерзшими глазами, слезясь и щурясь, на Бобрыкина, женатого на Тане, похожего в пальто на Ланового, с веревкой новой, в черных кожаных перчатках с норковой опушкой, в сверкающих начищенных ботинках, и... ненавидел, ненавидел, ненавидел...

Убить Бобрыкина, или История одного убийства

— Что? — спросил Бобрыкин.

Шишин промолчал. От ненависти у него сводило зубы.

— Что? — повторил Бобрыкин ненавистный, снова Шишин промолчал.

— Ладно, Шишкин, я пошел... бывай! — сказал Бобрыкин и пошел, пошел... красивый, безнаказанный, веревку новую, обыкновенную в карман пальто засунув.

«Душить меня пошел», — с тоской подумал Шишин, в спину Бобрыкину толкаясь взглядом, и, развернувшись, отбежал назад, нырнул за угол и параллельно двинулся, кустами, с обратной стороны домов. У арки Шишин выскочил внезапно, и, не успел Бобрыкин ненавистный удивиться, что снова Шишин ему попался на дороге, бросился, рыча, ему под ноги и в щиколотку впился, и повис, скрипя зубами. Но был Бобрыкин Шишина сильнее, схватил его за шкуру, поднял над поземкой, отшвырнул назад. Куда подальше. Отшвырнул — и Шишин отлетел, свистя, упал, ударившись, но больно не было ему, в губах скворчала пена. Головой мотая, поднялся Шишин и, набычившись, едва переставляя ноги, снова на Бобрыкина пошел.

Но не дался Бобрыкин Шишину и в этот раз, а лишь небрежно, легко опять приподнял и потряс...

И выпали из Шишина от тряски ключи и мелочь, стеклышко зеленое, дверная ручка, соль, сахар, спички, фольги кусок, и пара марок, билет